

общей историческом отношении. Предложенную Н. П. Лихачевым атрибуцию печати с изображением святых Георгия и Василия мы признаем неверной, однако сама постановка вопроса о принадлежности части обнаруженных в Новгороде печатей князьям, не сидевшим на новгородском столе и, в частности, некоторым князьям суздальского дома, вполне правомерна. Сочетание изображений святых Георгия и Василия соответствует имени Юрия Долгорукого, а также его сына Василья. Сочетание изображений святых Георгия и Андрея, имеющееся на печатях разных вариантов, соответствует не только имени Юрия Андреевича, но и имени его отца Андрея Юрьевича Боголюбского, никогда не княжившего в Новгороде. Сочетание изображений святых Георгия и Дмитрия, также имеющееся на разных вариантах булл, соответствует не только Всеволоду Юрьевичу, но и его тезке Всеволоду Большое Гнездо, и Юрию Всеволодовичу, никогда не княжившим в Новгороде. Нет ли среди рассмотренных булл каких-либо разновидностей не новгородских, а суздальских? Ответ на этот вопрос станет возможным после окончательного выделения всего достоверно новгородского материала. Только тогда, имея дело с избыточными для Новгорода типами, мы сможем установить, существовал ли обычай употребления княжеской буллы с изображением двух святых в домонгольское время также и в Суздале.

Что касается печати, несущей изображение святых Софии и Георгия, то ей посвящено специальное исследование Б. А. Рыбакова, который пришел к выводу, что эта печать является памятником киевской сфрагистики и отражает возникновение временной формы двоевластия в первой половине августа 1146 г. По мнению Б. А. Рыбакова, изображение св. Георгия в данном случае является патрональным обозначением имени князя Игоря Ольговича, а изображение Софии — символом киевского веча⁶⁰. Трудно согласиться с такой трактовкой буллы. Вечевым символом по крайней мере в Новгороде действительно была София, но София — Премудрость, изображаемая в виде огнеликого ангела в короне⁶¹. Здесь же мы видим обычное изображение великомученицы Софии с ее каноническим атрибутом — мученическим крестом

у груди. Такое изображение никак не могло служить вечевым символом, оно имеет личный патрональный характер, свидетельствуя, что печать принадлежала какой-то женщине, называвшейся в крещении Софией. Возможно, что ее звали Софией Георгиевной — на это как будто указывает самый тип буллы с двумя святыми. Однако, если опереться на аналогию с буллами жены Всеволода Ярославича Марии, можно допустить и другое объяснение. София могла быть женой князя Георгия.

В 1962 г. второй экземпляр такой буллы был обнаружен в Латвии при раскопках Кокнесе (древнего Куkenойса)⁶². Если принять во внимание, что известный прежде экземпляр происходит из Новгорода, то предположенная Б. А. Рыбаковым связь этой буллы с Киевом не найдет никакой опоры в топографических данных Г. В. Штыхов обратил внимание на то, что крест Евфросинии Полоцкой кроме патронального изображения св. Евфросинии содержит также изображения святых Георгия и Софии, имеющие по месту в композиции креста также патрональный характер⁶³. Думается, что это наблюдение дает ключ к конкретной атрибуции буллы. Отцом Евфросинии Полоцкой был полоцкий князь Святослав Всеславич, младший сын Всеслава Брячиславича; житие св. Евфросинии называет Святослава Георгием⁶⁴. Таким образом изображение св. Софии на том же кресте должно выражать христианское имя матери Евфросинии, жены полоцкого князя Святослава-Георгия. Ей мы предположительно и приписываем эту печать, относя ее ко второй четверти XII в.⁶⁵ Следует оговориться, что предложенное решение не исключает возможности других атрибуций, поскольку сведения об именах русских княгинь очень скудны.

⁶⁰ Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.). КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 106—108.

⁶¹ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. «Известия АН СССР, Серия истории и филологии», т. V, № 1, 1948.

⁶² Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига, 1965, стр. 101, рис. 44, 8; Г. В. Штыхов. Печать XII в. из Полоцка, СА, 1965, № 3, стр. 244.

⁶³ Г. В. Штыхов. Указ. соч., стр. 244; см.: Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3, рис. 1, 4.

⁶⁴ В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XVI столетия. Киев, 1896, стр. 240.

⁶⁵ Святослав Всеславич был в 1129 г. сослан Мстиславом Владимировичем вместе с другими Всеславичами в Царьград и, по-видимому, вскоре там умер. Однако уже под 1133 г. один из сосланных князей (Василько Святославич или Василько Рогволодович?) упоминается в связи с полоцкими событиями, а в 1140 г. из Царьграда в Полоцк возвращаются еще какие-то князья (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 217, 296). Около этого времени, можно думать, вернулась в Полоцк и вдова Святослава Всеславича.